

Война Владимир

Царь Василий Иванович Шуйский

Война Владимир

Царь Василий Иванович Шуйский

«Автор»
2026

Владимир В. В.

Царь Василий Иванович Шуйский / В. В. Владимир — «Автор», 2026

Царь, взошедший на трон через убийство. Власть, ограниченная боярами. Страна, разорванная гражданской войной. В центре Смутного времени — судьба Василия Шуйского. От заговора против Лжедмитрия I и восстания Болотникова до осады Троице-Сергиева монастыря и союза со Швецией. Почему внезапная смерть его гениального племянника, князя Скопина-Шуйского, лишила царя последней опоры? И как подозрительность самого Шуйского привела его к насильственному постригу и польскому плену? Живая панорама эпохи, где решалась судьба Русского государства.

© Владимир В. В., 2026
© Автор, 2026

Царь Василий Иванович Шуйский

В 1606 году на престоле Московского государства сидел Дмитрий Иванович — государь, о происхождении которого толковали разное. Одни видели в нём родного сына царя Ивана Грозного; другие называли самозванцем — беглым монахом Гришкой Отрепьевым или вовсе неизвестным человеком, дерзнувшим принять на себя имя царевича. Истинный же Дмитрий, сын Грозного, был зарезан ещё в младенчестве, при царе Фёдоре, царствовавшем после отца своего. Когда Фёдор скончался бездетным, на царство избрали шурина его, боярина Бориса Годунова, — того самого, кому народная молва приписывала убийство царевича. Бояре льстили себя надеждой, что при государе выборном обретут они большее значение и власть, но обманулись: Борис желал царствовать столь же самовластно, как и прежние цари.

Недовольные бояре выставили против него самозванца, и тот, опираясь на поляков и на русских, переметнувшихся на его сторону, начал оспаривать у Бориса венец. Во время этой войны Борис умер; сын его Фёдор был свергнут и убит, а Дмитрий признан царём Московским. Но и новый государь пришёлся боярам не по нраву: он правил слишком самостоятельно, не сообразуясь с их советами, нередко посмеивался над ними в Боярской думе и — что было для них всего досаднее — приблизил к себе людей незнатного рода и чужеземцев, по большей части поляков, которые и помогли ему взойти на престол. Тогда боярская партия, во главе которой стоял князь Василий Иванович Шуйский, составила заговор и подняла возмущение; 17 мая 1606 года самозванец был низложен и убит. На совещании заговорщики условились меж собой: кто из них станет царём, тот должен править не иначе, как по общему совету с боярами.

Через день после убийства Дмитрия и его приверженцев Шуйский собрал на площади народ и держал такую речь:

— Мы совершили единодушно подвиг праведный, честный, полезный и спасительный для земли, — если бы только Богу угодно было, чтобы меньше крови пролилось! Бог, который раздаёт земные царства, кому хочет, благословил наше намерение. Теперь, когда вора больше нет на свете и русские люди избавились от обольщения чернокнижника и бесоугодника, всем нам отводившего глаза, — теперь надобно выбирать царя.

И далее объяснил он, что род царей московских пресёкся и что надлежит найти человека знатной породы, «прилежного в святой восточной вере, во всём благочестивого — дабы держал он неукоснительно наши обычаи, сиял добродетелями, престолу подобающими, был опытен и не молод, полагал бы царское величие не в роскоши и не в пышности, а в правде и воздержании, не казну бы свою умножал, а берёг бы людское достояние наравне с казённым или с собственным царским». «Вы, может быть, скажете, что такого человека нам не найти, — промолвил он, — но добрый земский человек должен желать наилучшего государя, чтобы тот, по крайности, казался таковым для своих подвластных».

И тут из толпы его приверженцев стали раздаваться возгласы, что есть лишь один человек, отвечающий всем этим требованиям, а именно — князь Василий Шуйский. И воистину: перечисляя в своей речи достоинства, необходимые будущему царю Московскому, Шуйский перечислял собственные свои качества. Был он человек немолодой — в ту пору ему сравнялось уже за пятьдесят, — слыл за человека благочестивого и происходил от Александра Невского; словом, отвечал всем требованиям, какие предъявляли к новому государю. Шуйский, как водится, несколько раз отказывался от этой чести, а потом согласился. Зазвонили в колокола, чтобы народ собрался на площади; народа сбежалось много, но площадь у Лобного места заняли преимущественно сторонники Шуйского. Заговорили было о том, что надобно избрать нового патриарха, ибо патриарх Игнатий служил расстриге и потакал ему. Но разговоры о выборе патриарха были лишь удобным приступом к выбору царя. Из толпы раздались голоса, что прежде, чем избирать патриарха, надлежит выбрать царя, и предложили разослать грамоты

по всем городам, дабы съезжался народ для избрания нового государя. «К чему ждать выборных людей? — закричали другие. — Благородный князь Василий Иванович Шуйский избавил нас, при Божьей помощи, от прелести вражеской и от власти богопротивного еретика, расстриги. Пусть он будет царём нашим! Он — отрасль благородного корени русского, род его от Александра Невского! Да вручится ему царство Российское скипетродержавия!» Тогда закричала толпа, что желает иметь своим царём Шуйского.

Так Шуйский был возведён на престол без участия Земского собора — кучкой бояр да преданной ему московской толпой, которую он поднял против самозванца и поляков. С Лобного места толпа вместе с новоизбранным царём направилась в церковь, и там князь Шуйский обратился к ней с речью, в которой обязался не помнить обид, нанесённых ему в прежнее время, не мстить никому и не карать никого без боярского приговора. Это было заранее условлено боярами, стремившимися ограничить самодержавную власть государя. Из толпы раздались голоса, что никогда ещё не бывало на Руси таких порядков, чтобы ограничивалась власть государева. Быть может, такие речи и были приятны Шуйскому, но он был всецело боярским творением и, отпусти его от себя боярская партия, остался бы беспомощен.

Тотчас после присяги бояре разослали по всем областям грамоту, извещавшую о воцарении Шуйского. В грамоте той излагались условия ограничения его власти: царь обещал никого не казнить и не наказывать, не посоветовавшись с боярами; не распространять опалы, наложенной на преступника, на его родственников и близких; не отнимать в казну их имущества; доносов не слушать, а ложных доносчиков наказывать; все дела решать по суду и следствию. Все эти ограничения направлены были лишь к ограждению личности подданных и не касались основ государственного порядка. Власть ограничивалась Советом бояр, но в сущности это не меняло прежнего положения, ибо царь и прежде правил при содействии того же Совета. Боярам же ничего и не надобно было, кроме обеспечения своей личности от преследования и произвола власти, от которой им довелось немало терпеть в царствование Грозного и Бориса.

Одновременно с этой грамотой разослана была другая, от имени бояр, содержания приблизительно такого же, — в ней они уверяли народ, что все они воистину били челом Василию Ивановичу, прося его стать во главе Московского государства. А на другой день, сверх этих двух грамот, разослана была третья — от имени Марфы, вдовы Иоанна IV, матери царевича Дмитрия. Она извещала, что убитый Дмитрий — не сын её, а богоотступник, еретик Гришка-расстрига; что же до её сына, Дмитрия Ивановича, то он убит в Угличе на её глазах и на глазах её братьев, и это ведомо боярам и дворянам. Далее в грамоте рассказывалось от имени Марфы, что виделась она с самозванцем наедине и что он угрозами принудил её признать его своим сыном перед боярами и народом. В заключение вдовствующая царица возвещала, что после достойной казни вора-расстриги князь Василий Иванович Шуйский принял престол по выбору всего Московского государства, и что она, царица, вместе с другими бьёт ему челом о принятии царства.

Грамота эта должна была произвести на читателей довольно странное действие, ибо в ней без всякого стеснения говорились вещи, несомненно, лживые: во-первых, весь народ знал, что Марфа виделась и говорила с самозванцем не наедине, а что чуть ли не вся Москва выходила смотреть на трогательную сцену свидания матери с сыном; во-вторых, самозванец никак не мог угрожать царице, а скорее наоборот — она ему, ибо одного её слова довольно было, чтобы уничтожить всё обольщение и погубить его. И наконец, сам Шуйский трижды менял свои показания: при Борисе говорил, что царевич Дмитрий сам наложил на себя руки; потом, при вступлении на престол самозванца, признал его настоящим царевичем, говоря, что убитый был не царевич, а попов сын; и, наконец, теперь отрёкся от прежних своих показаний, уверяя, что царевич был действительно убит по приказанию Бориса. После рассылки этих трёх грамот отправлены были послы в Углич для перенесения мощей царевича Дмитрия в Москву.

1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство. Был он старик, малого роста, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой; любил лишь тех, кто шептал ему в уши доносы, и крепко верил в чародейство. Царь спешил совершить обряд венчания, ибо это укрепляло его в царском достоинстве.

Подле царя немедленно явилось другое лицо — патриарх Казанский Гермоген. Известен он был сопротивлением самозванцу и его неправославным поступкам; сильно противился он и женитьбе самозванца на Марине Мнишек, требуя, чтобы та прежде приняла православную веру. Отличался Гермоген суровым и твёрдым характером, был человеком, готовым твёрдо стоять за вверенное ему дело, но, по свидетельству современников, строгость его доходила до крайности, переходя порой в жестокость. Кроме того, был у него общий с Шуйским недостаток: имел он обыкновение слушать доносы и наветы и, плохо отличая истину от клеветы, верил всему. Слабостью этой воспользовались некоторые бояре и, наговорив патриарху на царя, сумели их поссорить. Несомненно, что для Шуйского была небезопасна вражда такого человека, как Гермоген, тем более что положение царя было не особенно твёрдо. Клятва, данная Шуйским при вступлении на престол, как-никак ограничивала его власть, так что многие говорили: у бояр более власти, чем у царя. Некоторые из бояр, оставшиеся верными Лжедмитрию и не участвовавшие в его свержении, были, вопреки обещанию, сосланы в отдалённые места. Так сосланы были князь Рубец-Мосальский, бояре Салтыков, Власьев, Богдан Бельский и другие. Некоторые из них поставлены были воеводами в отдалённых областях, и таким образом недовольство царём расползалось по городам благодаря этим людям, озлобленным и готовым при малейшем поводе примкнуть к восстанию против ненавистной им власти. Но вместе с тем ни один из могущественных бояр, имевших виды на престол, или из людей, просто недовольных Шуйским, не мог прямо отважиться на его свержение. Никто из них не мог предъявить таких прав на престол, каких не было бы у Шуйского; потому и нужно им было такое лицо, именем которого можно было бы свергнуть Шуйского, — и вместе с тем недостаточно сильное, чтобы помешать боярским целям. Таким лицом мог стать новый самозванец, и слухи о Дмитрии не замедлили появиться в Москве.

Дело в том, что, когда Шуйский и его приверженцы были заняты истреблением поляков и сторонников Лжедмитрия, из Москвы успел скрыться некий Михайла Молчанов, один из участников убийства Фёдора Годунова. В сопровождении двух поляков направился он в Польшу и дорогой выдавал себя за царя Дмитрия, будто бы успевшего скрыться из Москвы.

Слух этот скоро достиг Москвы, и здесь многие ему поверили, ибо не все москвичи принимали участие в убийстве Дмитрия, а лишь небольшая часть бывших приверженцев Шуйского. Нашлись люди, говорившие, что труп, лежавший на Красной площади, вовсе не был телом Дмитрия: и вправду, он был настолько обезображен, что невозможно было различить лица.

Итак, слухи росли всё больше и больше, в особенности в других городах, у которых было ещё более оснований верить спасению Дмитрия, чем у москвичей, — из последних всё же многие присутствовали при его гибели. Шуйский видел, что слухи эти настолько окрепли и разрослись, что ему уже невозможно разуверить народ. Оставалось ему лишь одно: вооружиться против прав первого Дмитрия.

Как нельзя более кстати пришлось для этого перенесение мощей царевича Дмитрия из Углича. Царь в сопровождении почти всего духовенства, бояр и думских людей вышел им навстречу за каменный город. Рядом с ним шла инокиня Марфа, своим присутствием как бы подтверждавшая и действительность мощей, и ложность первого самозванца. Тело отнесено было в Архангельский собор, где и должно было остаться на будущие времена. После этого по городам разосланы были грамоты с извещением об этом событии, с перечислением злодейств Лжедмитрия и с показаниями некоторых лиц, доказывающими его самозванство. Но грамоты эти не имели желаемого успеха, — да оно и понятно: в то время как в Москве, Угличе и дру-

гих городах прославлялась святость невинно убиенного младенца Дмитрия, на престоле сидел человек, который при царе Фёдоре объявил, что царевич сам себя заколол в припадке падучей болезни.

Среди высланных бояр отправлен был в Путивль воеводою князь Григорий Петрович Шаховской; но ссылка эта была на руку Шаховскому: прибыв в Путивль, собрал он жителей и объявил им, что царь Дмитрий жив и скрылся от врагов. Путивльцы немедленно восстали против Шуйского, к ним быстро стали примыкать и другие ближние города. В Чернигове воеводою был князь Телятевский, который при вступлении на престол Дмитрия был одним из самых упорных его противников, но, раз присягнув ему, сделался его приверженцем и теперь с полной готовностью восстал против Шуйского.

Слухи настолько окрепли, что волнения начались и в Москве. Здесь открыто ещё не произносили имени Дмитрия, но всеми способами старались возбудить толпу по другому поводу: на домах иностранцев написали, что дома эти отдаются за измену их владельцев на разграбление народу царём. Собралась большая толпа, которую на этот раз удалось разогнать. В другой раз, в один из воскресных дней, распустили слух, что царь будет говорить с народом. Собралась громадная толпа москвичей и встретила царя в то время, как он шёл из дворца к обедне. Царь услышал за кремлёвскими стенами знакомый ему гул волнующейся толпы; он понял, что толпа волнуется не сама по себе, а подстрекаемая кем-нибудь из бояр. Обернувшись к окружавшим его думным людям, спросил он: «Что это, кто из вас волнует народ?» Бояре отвечали, что не знают, кто возмущает народ именем царским. Шуйский остановился и, почти плача от досады, начал говорить окружавшим его боярам, что лишнее выдумывать козни: если он им не нравится, то он добровольно готов уйти; бояре его избрали царём — они же вольны и сместить его. Потом, отдав царский посох и шапку, сказал: «Возьмите и выбирайте кого хотите», — но тотчас же, не дожидаясь ответа, взял их обратно. Видя, что все молчат, Шуйский подумал, что большинство за него и что он уже достаточно постращал их, и сказал: «Если так, если вы действительно считаете меня своим царём, то я требую казни виновных». Бояре на этот раз решили уверить его в своей преданности. Из толпы схвачены были пятеро, признанных виновными; их высекли кнутом и сослали, народ же уговорили разойтись.

Так в Москве, по крайней мере на некоторое время, народ успокоился. Но не то было в Северской земле, в теперешней Черниговской и отчасти Орловской губерниях. Восстание приняло там угрожающие размеры. К Путивлю присоединились Моравск, Новгород-Северский, Стародуб, Ливны, Кромы, Белгород, Оскол, Елец; в особенности же важен был Елец, ибо в последние дни царствования Дмитрия здесь назначен был сбор войск, которые должны были идти на татар. Шаховскому нужно было лицо, которое согласилось бы назвать себя царём; самозванец был ему необходим во что бы то ни стало; между тем Молчанов сам не хотел разыгрывать роль самозванца и в данное время никак не мог найти подходящего лица. Но дальше ждать было нельзя: надобно было поддержать восстание, дав ему смелого и способного вождя.

Таким вождём явился Болотников. Болотников, судя по рассказам, был прежде холопом князя Телятевского; в молодости взят был в плен татарами, затем продан ими в Турцию, где пробыл несколько лет, после чего ему удалось бежать. В это время пробирался он в Россию через Польшу, где и узнал о событиях, волновавших тогда его родину. Услышав, что здесь живёт Дмитрий, отправился он к нему и сошёлся с Молчановым. Молчанов выдал себя перед ним за Дмитрия. Болотников никогда не видел Дмитрия и потому, возможно, искренно поверил, что перед ним и вправду царь. Видя в нём человека решительного и смелого, Молчанов понял, что он может оказать ему громадную пользу, и направил его к Шаховскому, который принял его как царского поверенного и дал ему начальство над отрядом войска. Болотников сразу нашёл средство увеличить этот отряд, обратившись в Украину, где обещал волю, богатство и почести под знамёнами Дмитрия. К нему тотчас стали стекаться целые толпы всякого народа: беглые холопы, крестьяне, казаки и наконец даже воры и разбойники. Шуйский понял,

что дело разыгрывается не на шутку, но, прежде чем посылать войска, решил попытаться утишить восстание мирными мерами. Он послал в Северскую землю духовенство, дабы оно увещевало бунтовщиков. В Елец послан был Михаил Нагой с грамотой сестры своей, царицы Марфы, и с образом царевича Дмитрия. Но меры эти не помогли — приходилось действовать оружием. Боярин князь Воротынский осадил Елец, а стольник князь Юрий Трубецкой — Кромы. Но на выручку Кромам явился Болотников с полутора тысячами человек и, напав на пятитысячное царское войско, разбил его наголову. Царское войско и без того неохотно шло за Шуйского, после же поражения совсем ослабло; служилые люди начали разъезжаться, и Воротынскому с Трубецким не оставалось ничего, как отступить.

Как только в других городах узнали об отступлении царского войска, восстание стало всеобщим. Боярский сын Истома Пашков возмутил Тулу, Венев и Каширу; в то же время восстало княжество Рязанское под предводительством Григория Сумбулова и дворянина Прокопия Ляпунова. Все это были люди энергичные, ловкие, смелые, в особенности Ляпунов. Был он человек красивой наружности, умный, храбрый, искусный в военном деле. Он восстал за Дмитрия против Шуйского; неизвестно, был ли он действительно убеждён, что Дмитрий — истинный царь. По всей вероятности, он и не придавал особенного значения этому вопросу. Услыхав о разгоревшемся восстании, примкнул он к нему потому, что принадлежал к тем людям, которые по своей энергической природе не могут выносить нерешительности, не умеют ждать. К тому же восстание против Шуйского было вместе и восстанием против власти бояр, охранявших старину и не допускавших в свою среду людей новых; потому-то и было оно привлекательно для таких людей, как Ляпунов, Сумбулов и Пашков, — людей, рвущихся вперёд, жаждавших власти, но по происхождению не имевших на неё права.

Как могучий поток, разливалось восстание по всем областям России, захватывая даже инородцев, обрадовавшихся случаю сбросить с себя подчинение ненавистной им Москве. Мордва под начальством двух мордвинов, Москова и Вокорина, с присоединившимися к ней холопами и крестьянами осадила Нижний Новгород. Пермь, Вятская земля и Астраханское царство тоже примкнули к движению. Болотников, соединившись с Пашковым, перешёл Оку, двинулся к Москве и взял Коломну. Правда, отряд царского войска под начальством князя Скопина-Шуйского одержал победу на берегах реки Пахры, но главная часть войска под начальством боярина Мстиславского была разбита наголову при селе Троицком, в семидесяти верстах от Москвы. Болотников шёл к Москве, гоня перед собой побеждённых, и остановился у села Коломенского. Положение Шуйского было безвыходное — очевидно, царствованию его пришёл конец. Цены на хлеб в Москве поднялись, народ роптал. Мало было желающих терпеть голод из-за Шуйского. Но скоро счастье отвернулось от мятежников. Дело в том, что в войске их господствовало раздвоение. Как только Болотников прибыл к Москве, стал он рассылать грамоты, в которых говорилось, что боярским холопам следует побить своих бояр, захватить их имущество, грабить и убивать торговых людей. Слова такие были, очевидно, не по духу дворянам и детям боярским, соединившимся с Болотниковым. Решившись выбрать из двух зол меньшее и снова служить Шуйскому, отправились они с повинной к царю, заранее уверенные в помиловании. Ляпунов и Сумбулов явились первыми, и Ляпунов получил сан думного дворянина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.